

14.

«ПОД НЕМЕЦКОЙ СВОРОЙ...»

*Дневник оккупации города Курска в 1941–1943 годов*¹

*«Все слабели, бабы — не слабели, —
В глад и мор, войну и суховей
Молча қолыхали қолыбели,
Сберегая наших сыновей.*

*Бабы были лучше, были чище
И не предали девичьих снов
Ради хлеба, ради этой пищи,
Ради орденов или обнов...»*

*Б.А. Слуцкий.
1957 год.*

Археографическая справка. Публикуемая рукопись хранится в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в обширном фонде 369 — В.Д. Бонч-Бруевича. Картон 414, дело 21. Архивисты озаглавили это дело: «Воспоминания о Великой Отечественной войне и оккупации Курска немецко-фашистскими войсками. [1940-е гг.]. Рукою неустановленного лица». 6 листов.

На эти листы, похоже по их не совсем ровным краям, был разорван большой лист плохой (рыхлой текстуры, вроде обёрточной) бумаги. Записи велись одними и теми же чёрными чернилами. Нумерация у этих страниц двойная — теми же чернилами в верхнем правом углу и в центре каждого листа. Отсюда явствует, что автор этой рукописи желал быть понятым возможными читателями, он надеялся на какую-то аудиторию. Ведь, судя по двойной нумерации страниц, автор записей пересматривал свою рукопись и

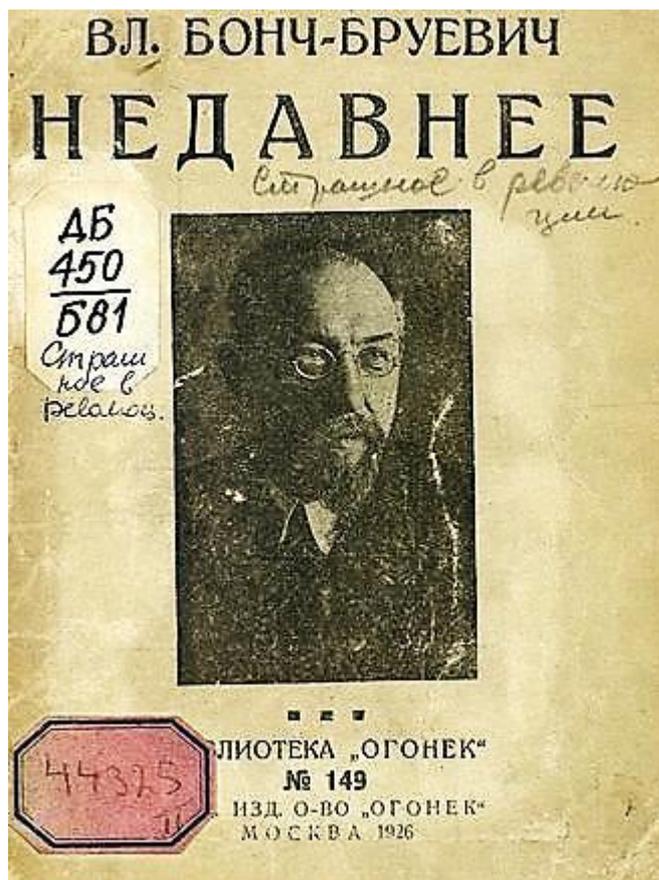
---

¹ Предыдущие публикации (с большими или меньшими сокращениями): *Щавелёв С.П.* «Под немецкой сворой...» Дневник оккупации города Курска в 1941–1942 гг. // События и люди в документах курских архивов. 110-летию архивной службы Курской области посвящается / Под ред. *В.Л. Богданова*. Курск, ОКУ «Госархив Курской области», ООО «Центр рекламы ""Лоцман""», 2013. С. 33–42; *Его же.* «Под немецкой сворой...» Отрывки из дневника периода оккупации города Курска в 1941–1942 годах // Городские известия. 2014. № 17. 8 февраля. С. 5; *Его же.* Записки из оккупации // Курские известия. 2014. № 6 (304). 11 февраля. С. 7; *Его же.* «Под немецкой сворой». Дневник оккупации города Курска в 1941–1943 годах // Грани гуманитарного знания. Сборник статей к 60-летию профессора Сергея Павловича Щавелёва. Курск: Изд-во КГМУ, 2015. С. 252–263.

Здесь рукопись впервые публикуется в полном виде и с дополнительными комментариями, а также иллюстрациями.

выверял порядок нескреплённых никак листов. Сверх того, страницы рукописи ещё раз пронумерованы карандашом, явно архивистами.

Уверенный, устоявшийся почерк, каким сделаны записи, контрастирует с многочисленными грамматическими ошибками, допущенными автором. Перед нами женщина, явно не получившая достаточного образования, но, должно быть, по долгу службы помногу писавшая. В послереволюционные годы почти полной смены кадров государственных, партийных, хозяйственных учреждений, где она, судя по содержанию воспоминаний, служила до войны, такое было не редкость.

Бонч-Бруевич В.Д. Страшное в революции. По личным воспоминаниям.

М., 1926. 46, [1] с. (Библиотека «Огонёк» № 149).

Из фондов ГТЛБ.

Хотя в архивной описи рукопись названа воспоминаниями, скорее это дневник. Ведь большая часть сообщений, вплоть до ареста автора гестапо, представляет собой подневные записи. Не исключено, что их переписали с какого-то протографа именно дневникового характера. Хотя вряд ли, ведь некоторые записи в рукописи передатированы явно по горячим следам зафиксированных событий. Во всяком случае, воспроизвести по памяти по дням, неделям и месяцам подробные свидетельства о происходящих событиях спустя почти год, а скорее всего и дольше, было практически невозможно.

Можно предполагать, что престарелый фондообразователь — известный советский партийный и государственный деятель Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873–1955) решил собрать по горячим следам войны воспоминания её очевидцев. Или же к нему с той же целью обратились знакомые куряне. Скорее первое, чем второе. Ведь кроме этой, в его архиве отложилась ещё одна рукопись схожего содержания, только посвящённая почти полностью аналогичным событиям в Воронеже. Бонч-Бруевич-то по своим научным интересам был, как известно, завзятым этнографом (на досуге от революционной борьбы, а затем советской и партийной службы), доктором исторических наук. Понимал толк в архивном деле — стал одним из создателей архива Центрального комитета РСДРП. После Отечественной войны входил в комиссию по расследованию преступлений нацизма.

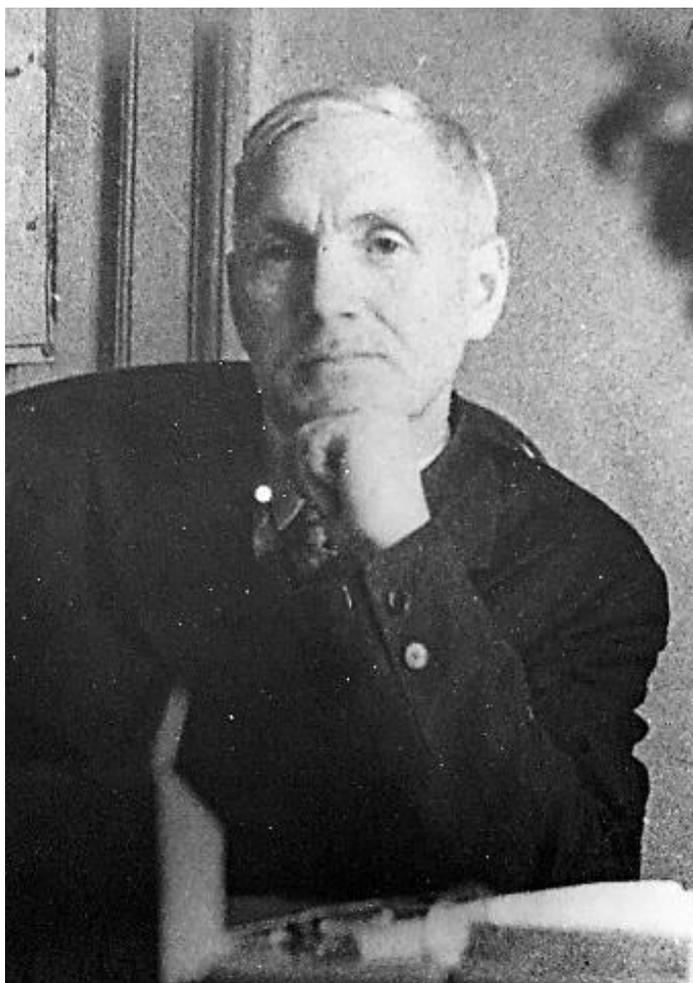
Половодье в Стрелецкой слободе Курска. Весна 1942 года.

На переднем плане — немецкие солдаты в касках.

Партизаны то и дело дают о себе знать...

Фото из ЖЖ elk-i-na.livejournal.com.

То обстоятельство, что обе эти рукописи происходят из Курска, тоже объяснимо. С этим городом Бонч-Бруевич был связан несколькими эпизодами своей биографии в молодости. А именно, будучи студентом Московского землемерного института в 1884–1889 годах, он участвовал в организации студенческих протестов, за что и был выслан в Курск под надзор полиции. Здесь он прожил почти три года, закончил землемерное училище, после чего вернулся в Москву (1892).

*Советский, нацистский и снова советский инженер А.Г. Крпов на пенсии.
Фото из статьи В.Б. Степанова.*

По всей видимости, кто-то из знакомых курян и выполнил впоследствии его просьбу поискать очевидцев военных событий и предоставить ему их воспоминания о зверствах немецких оккупантов именно в Курске. Как водится при покупке редких бумаг для архива, за них могли заплатить. Но эти писались в нашем случае вовсе не на продажу, а для исторической памяти о пережитом курянами, причём с риском для жизни — и со стороны НКВД, и со стороны гестапо, попади они в руки сотрудников той или иной тайной полиции. Автор писал о том, что видел, предельно честно и оценки событиям выносил искренние, по-человечески.

Первая из названных рукописей не имеет заглавия. Точнее, вместо него по центру первого листа стоит «№ 324». Возможно, эта нумерация как-то связана с упорядочением архива либо самим Владимиром Дмитриевичем, либо его душеприказчиком.

Публикую эту рукопись и фрагменты другой, сохраняя большинство грамматических особенностей оригинала. Отдельные поясняющие дополнения публикатора заключены в квадратные скобки: [ ].

Об оккупационном режиме в Курске 1941–1943 годов мне обстоятельно рассказывал мой учитель по историко-педагогическому

факультету Курского педагогического института, доцент, ветеран Отечественной войны Иван Григорьевич Гришков (1922–2001). Почерпнутые им из архивов сведения использованы мной в нижеследующих комментариях. Его светлой памяти я посвящаю настоящую публикацию.

«По Рыльскому шляху в сторону шоссе "Обоянь – Курск" отступали сотни советских воинов — грязных, небритых, голодных, злых. Куряне оказывали им посильную помощь» // Сайт газеты «Друг для друга». 2016. № 25. 21 июня.

Кроме того, в комментариях использован опубликованный текст воспоминаний Алексея Григорьевича Кепова (1891–1974) «Курск в период оккупации 1941–1943 г.»². Уроженец Курска, он окончил тут реальное училище; по дальнейшему образованию — инженер-металлург. Пробовал свои силы в литературе. Участь в Петербургском политехническом институте, подрабатывал в журнале-еженедельнике «Солнце России» приёмщиком рукописей. Сталкивался там с А.А. Блоком, М. Горьким, С.А. Есениным и другими знаменитостями. Коллекционер самого разного антиквариата (библиофил, нумизмат, филателист, бонист и т.д.). При немцах служил главным инженером и начальником технического отдела городской управы Курска. До войны — практически в той же должности — главного архитектора, руководителя коммунхоза города при советской власти.

---

² Курские мемуары Главный редактор Ю.А. Бугров.. № 2. Курск, 2002. С. 23–45.

Подробности биографии А.Г. Кепова разузнал и опубликовал В.Б. Степанов («Друг для друга». Курск. 2008. 14 октября).

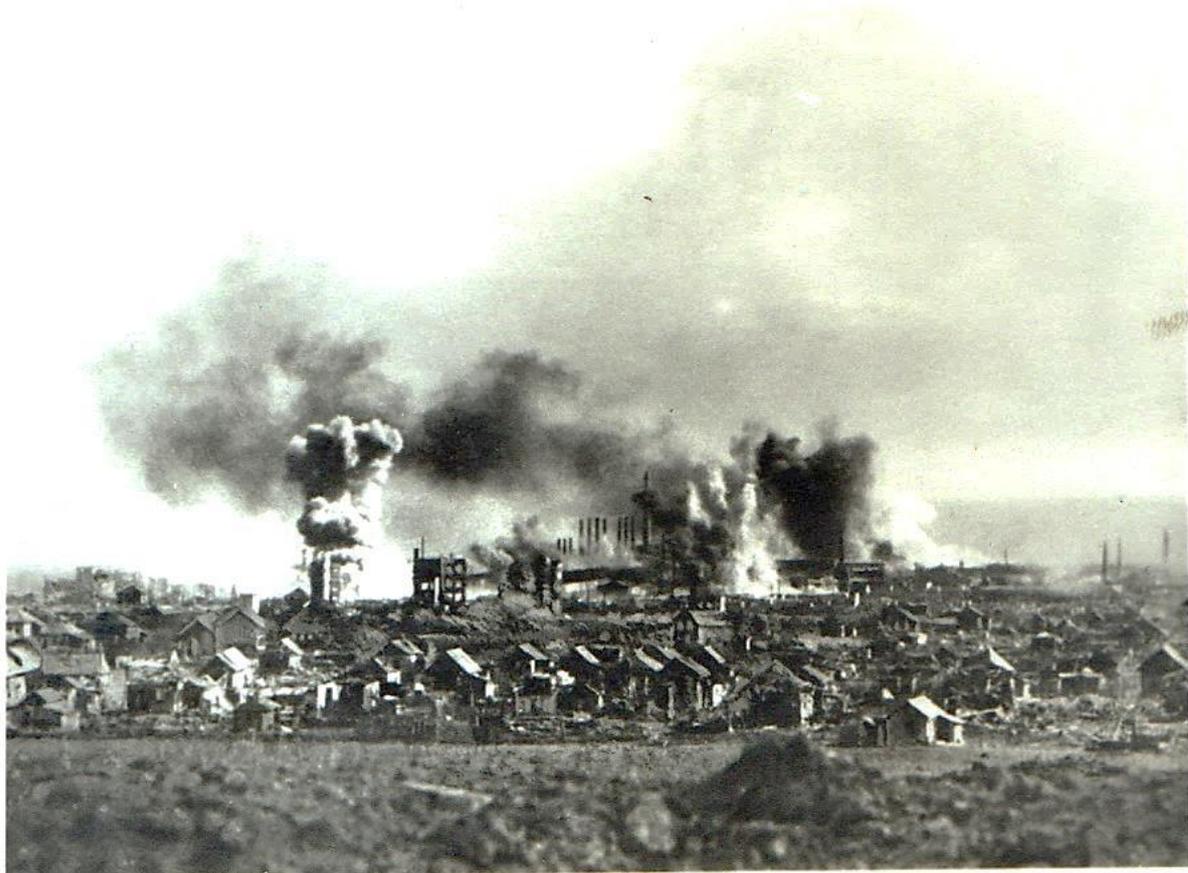
Архитектор и строитель главного здания медицинского института; служил в нём по совместительству проректором по строительству. С немцами не ушёл, дождался возвращения советов. За измену родине получил 15 лет лагерей. С 1943 по 1955 годы провёл в лагерях; по амнистии освобождён и вернулся в родной город, где доживал век пенсионером. Его мемуары подтверждают и дополняют публикуемую рукопись.

Перепечатывая здесь эту свою архивную находку, я снабдил её иллюстрациями, многие из которых прямо относятся к тем или иным реалиям, в ней упоминаемым. Эти уникальные фотографии оккупированного Курска и соседних городов, их зданий и жителей, их сельской округи собраны историками и краеведами и обнародованы на разных сайтах с благой целью укрепления исторической памяти. Для контраста приведены некоторые фотодокументы из стран Западной Европы, которые тоже захватывались гитлеровцами. В частях советской армии фотоаппаратами разрешалось владеть и пользоваться ими только специальным корреспондентам советских органов массовой информации (ну, ещё политруки снимали карточки бойцов на красноармейские книжки и партбилеты), а вот у оккупантов всех чинов разных камер было много. Поэтому множество фотографий и боевых действий, и мирной жизни в паузах войны сохранили фотоальбомы немецких, испанских, итальянских, венгерских, финских, румынских, даже японских солдат, побывавших на курской земле и сопредельных с нею полях сражений Второй мировой войны. Воспроизвожу некоторые из этих кадров фотохроники ниже со ссылками на те электронные ресурсы, где они находятся. Надеюсь, что хроникальный текст и отвечающие ему изображения образуют смысловой резонанс, обогащая наше понимание прошлого, в одно и то же — удивительное время — и славное, и позорное — в судьбах России и всей Евразии...

1.

[Дневник оккупации города Курска]

«26 / X 41 г. Первый пожар, горели склады ³.

*Первый штурм Ростова-на-Дону немцами осенью 1941 года. Из блога sosnitsky.
В городе в это время мать, бабушка, брат и сестра автора этой книжки,
чудом пережившие в нём обе оккупации. Первая длилась 8 дней.*

28 [«8» зачёркнуто той же рукой, приписано] 7 / X ⁴. Базар работает, мясо в той же цене. В магазине дают кур нещипаных, кофе в пачках подешевел, в коммерческих магазинах материалы подешевели не очень много, примерно тик для матрацев стал 6 руб. метр, игрушки почти даром, очень много ёлочных украшений.

29 [«9» зачёркнуто той же рукой, приписано] 8 / X. Горит Горсовет, в горящем помещении книжного магазина и игрушечного копошатся подростки, выбирая игрушки и книги.

---

³ Первая авиационная бомбёжка железнодорожной станции Курск произошла 29 августа 1941 года. С тех пор нецы регулярно бомбили город на протяжении сентября – октября.

⁴ По памяти А.Г. Кепова, 27 октября 1941 года из Курска ушёл последний эшелон с эвакуированными, однако он вынужден был вернуться от станции Полевой — немцы уже перерезали пути с юга.

Немцы повторно занимают Ростов-на-Дону летом 1942 года, уже на 205 дней.

Немецкие пехотинцы входят в захваченный Краснодар. Август 1942 года. С сайта «Война в истории». Подобный автоматчик привёл моих родных из степи под Ақсаем после неудавшейся эвакуации обратно в Ростов.

*Немецкие солдаты общаются с советской молодёжью.
Блог «История в фотографиях».*

*Советские солдаты беседуют с жительницами Берлина. Май 1945 года.
Блог «История в фотографиях».*

Народ тащит мебель из закрытых помещений.
31 / X. Горит конфетная фабрика, 1 / XI народ катит бочки ведёрка [на]
шесть с чем неизвестно. Тащит антрацит. Горит путь Курской железной

дороги, тащат рожь полугорелую, просо. Ночью видно кругом одни только зарева, электричества нет первый вечер ⁵.

1 / XI. Очень много идёт мужчин с винтовками кругом увешенные патронами, одиночки по направлению в Казацкое ⁶. Раздаётся канонада.

С 1 / XI по 2 / XI всю ночь канонада, с утра на улице народу нет, все попрятавши в подвалы и погреба. Воскресенье 2 / XI часов в одиннадцать пришли молочницы из Казацкой, сказали что вчера у них появилась разведка немецкая. В 2 часа появились немцы идущие гуськом по тротуару увешанные пулемётами, автоматическими винтовками, патронами, заходя в каждый дом, рылись в шкапах, каморах одним словом везде, говоря «брот цукер» брали хлеб папиросы, но главное ценные вещи. Одеты очень чисто не голодные [Л. 1 / 1 об.]. Вечером приходили квартирмейстеры и занимали всё что им подходяще, а нас выгнали на кухню. 2 [зачёркнуто, написано] 3 / XI часов в 4 дня — поставили [на постой] так называемого «Шефа» грубый немец надменный, деньщик мальчик 16 лет (сын начальника почты города Берлина, получал посылки печенья каждый день 200 гр. и воскресенье на 1 килограм, всё это шло в котёл «Шеф»).

В 7 часов пришла почта на конверте поставлено Курск. 4 / XI пошла лавина немецкая фронтовая, грязные вшивые с отмороженными носами и руками заходили всюду, но дальше кухни не шли ибо там стоял немецкий «Шеф» Хузвельд. Народ всё ещё продолжал бесстрашно тащить из учреждений вплоть до шкапов кушеток, доски, вёдрами ликёр наливки с винного завода, частично немцы отбирали вёдра с наливками. Дома же не закрывались и ночью ходили вестовые с пакетами и разные офицеры с папками.

Стали гонять мужчин на уборку города, по очистке от заграждений, не прошло двух недель стали гонять женщин всех возрастов утрамбовывать аэродром начали, кто не очень отстукивал ногами, того Обер-лейтенант бил ногами, что при мне получила хозяйка нашего дома Павлова. Большой взрыв в доме НКВД на Добролюбовой ⁷ на 37 день их власти погибло много немцев.

---

⁵ Именно 31 октября начались бои за город.

⁶ Слобода Казацкая — район в Курске на северо-западной его тогдашней окраине. По этому направлению и наступали на город немцы. Курск защищали остатки 2-й гвардейской стрелковой дивизии Красной армии, только что вышедшие из окружения под Брянском; и спешно собранные части народного ополчения. Их представителей, вероятно, и наблюдала в указанный момент мемуаристка.

⁷ На улице Добролюбова в Курске и сейчас располагается областное управление ФСБ (в здании, перед революцией построенном для правления курской железной дороги). Перед отходом представителей советской власти здание было заминировано.

Оккупанты устанавливают сельскую администрацию в Курской области. Фото с сайта поискового отряда «Рубеж».

Немецкие солдаты на постое в курском доме. Фото с сайта поискового отряда «Рубеж».

17 / XI Наш «Шеф» лепечит «зер гут даз инженер, я ничего не могу понять почему немецкий инженер гут, а потом оказалось что они пустили ЦЕС вечером зажглось электричество. Вывесели на немецком и украинском языке, где описывали по пунктам [Л. 1 об. – 2] что будет делать немецкий солдат, что освободил, будет кормить и разные блага.

Немецкие оккупанты организовали курян на уборку улиц от льда и снега. Фото с выставки «Город в годы оккупации» в Курском городском собрании в феврале 2015 года. Составители экспозиции О. Радин и В. Крюков.

Еда была не очень уж важная у них да и не такая чтобы он мог уделить населению. Выдавалось им хлеб грам 500 колбаски грам 50 или сыру, хлеб он должен был разделить на 7 порций, вернее сделать 7 бутербродов. 3 бутерброда съедал утром с кофе или немецким чаем (нечто иное как мята) 4 бутерброда вечером тоже с чаем, в 12 часов хотелось супа бурды или горохового. Вечером приносили гуся или курию конечно украденного у крестьян или горожан, заставляли чистить и приготовить, потроха отдавали за работу. Бельё приносили в стирку много грязного, мыла размером с спичечный коробок конечно не оплачивая объясняя что они фронт.

27 / XI С утра беготня, построение на улице и отход фронта. Квартирмейстеры с биноклями обходят квартиры заглядывая в шкафы, под постели, во все углы не осталось чего их.

В тот же день постой нового оберлейтенанта лет 53-трёх увешанный крестом еще с 14 года и последней войны 1939 года.

*Немецкие военнослужащие в очереди перед курским кинотеатром
(до войны 1-е Совкино, при немцах «Виктория», в будущем имени М.С. Щепкина).
Фото с сайта поискового отряда «Рубеж».*

*Тот же кинотеатр. Солдаты советские. Февраль 1943 года.
Фото с сайта поискового отряда «Рубеж».*

Гусей ели уже целыми днями яички не выводились пошли балы приёмы часами сидели пили вина из громадных бутылок размером с ведро. [Лл. 2 / 2 об.] Стали сапожникам заказывать сапоги на русский манер из хрома, валенки из кожи. Скупать меха, ковры где за деньги а где и так. Деньщик не успевал таскать тюки.

17 декабря немцы в панике, всех солдат переместили в отдельные дома откуда выкидывали семьями на улицу и так оказались все дома 2–3-этажные заняты солдатами.

Стали гонять на Тимское шоссе ⁸ разгребать снег, с восьми часов, пока идёшь до места работы проходит два–три часа, до 12 часов немецкие руководители работ строго следят за нами, потом перерыв, и опять работа до прихода их инженера (который придумал расчищенное шоссе залить водой) покричит на нас покажет как нужно работать и уйдёт, вскоре уходят немецкий патруль, расходимся и мы, давали хлеб за работу по талончикам. Хлеб население которое не работало в их организациях не получало, а работали только те, кто знал немецкий язык или [за] красоту, да и учреждений было мало. [Зачёркнуто: только те, которые чем-то страдали от нашей власти].

Пришлось идти в поликлинику для освобождения от работ. В поликлинике принимали за плату, совет врача оценивался 3 руб., комиссия 6 руб.

Освободили меня миокардит.

Наступало Рождество. Навозились ёлки справляли праздник, открылся магазин на Дзержинского ⁹ [,] 13 украшений для ёлок [Лл. 2 об. – 3] посуда сервизами разные вещи, на дверях надпись «для немцев».

Новый год, в 12 часов на улице поднялась такая стрельба, что мы жители не знали что это могло значить это бесновались немцы.

Открылись чайные где продавался самогон венегрет, чай, подозрительное варенье.

20 / I перерегистрация всех жителей по специальностям.

---

⁸ Ныне улица Союзная в Курске, переходящая в трассу Курск – Тим – Горшечное – Воронеж.

⁹ Ул. Дзержинского — вторая половина главной улицы Курска, до революции Херсонская. Первая половина — улица Ленина, бывшая Московская.

Кинотеатр для германских солдат в оккупированном Париже на улице Риволи. 1941–1943 годы. Альбом «Париж в оккупации» Андре Зукка на сайте Fishki.net.

24 / II меня вызвали куда-то по адресу Главная улица ¹⁰ 24, куда я пришла около 4 часов мне объявили что я арестована, всё отобрали и свели в подвал, куда вели 28 ступеней. Когда я очутилась в подвале где были человек 30 женщин всех возрастов, некоторые с синяками, другие с опухшими лицами, мой первый вопрос был «за что вы сидите». Ответ «за драку». Ну думаю я не с кем не дралась. Вечером проверка наш русский, перечёл все фамилии мы должны отвечать слово «есть» после чего я просила что бы мне сказали за что я взята. Утром узнаешь был ответ.

25 / II. Утром в 8 часов проверка, опять запоры [?]. Часов в 10 меня вызвали, повели на верх очутилась в комнате довольно грязной 5 немцев разных чинов и один русский. [Лл. 3 – 3 об.] Русский задаёт вопрос «Немецкий офицер спрашивает с каким партизаном вы встречались на Красной площади». Я отвечаю, что на Красной площади я не какого партизана не встречала и не говорила, ходила на старую службу и узнала что произошло с имуществом. Немец стал кричать на немецком языке который для меня ничего не говорил.

---

¹⁰ До и после оккупации — главная в Курске улица Ленина.

*В этом здании на углу Ленина и Можжевской располагалось гестапо.
Сайт «Поисково-исторического форума».*

*Красная площадь Курска при немцах. Не исключено, что одной из прохожих могла
быть автор публикуемого дневника. С сайта «Старый альбом».*

Переводчик принуждал меня припомнить а то мне будет хуже, но я придумать не могла, потому что догадалась, что речь наверное идёт о моём муже так как он был начальник Истребительного батальона. Переводчик как раз перевёл на мужа, где он и я конечно сказала что его призвали в армию и он выбыл в распоряжение Тамбовского округа, немец стал орать сжимая кулаки переводчик сказал что мой муж уже стар для армии, но я спокойно сказала что в Курске много осталось юристов, которые помнят приказ о мобилизации высшие чины до 60 лет а муж был в чине полковника. Немец орёт я тоже повысила голос, переводчик остановил меня, что мне будет хуже, но я уже была взбешена, получила в ухо. [Лл. 3 об. – 4]. Когда меня провожали из комнаты, то переводчик сказал «Немецкий офицер меня отправляет в подвал на месяц и хорошенько подумать какого партизана я видела на Красной площади».

Есть давали 250 гр. хлеба но не в одно время иногда в 2 дня, а то 4 дня воды не давали совсем. Только в дежурство одного охранника вечером после ухода всей немецкой своры Гестапо приходил и приносил кофейничек воды да иногда брал на верх под видом уборки помещения больных женщин погреца. Сидели разные. Дочь Уфимцева ¹¹ Надежда за то что заразила офицеров своей болезнью [За что она после была расстреляна. — *Вписано синим карандашом*]. Сидели две комсомолки перешедшие фронт и молодая женщина и все трое попались. Одну комсомолку из Белгорода звали Вера Петрова, вторая Вера из Суджи а третью женщину с высшим образованием не помню фамилию она приходила каждый день и на лице её появлялось всё больше синяков и меньше зубов. Из трамвайного парка две коммунистки одна Пахомова и вторая Ненашева, главхлеб Верютина тоже партийная. Остальные фамилии я не помню. Верютиной были богатые передачи, которыми она делилась между всеми, да ещё с 17 женщин. Осипенко коммунистка которая просидела месяца два и не разу не допрашивалась. Каждый день уводили, приводили, были истерики. Подвал перегорожен фанерой, не каких нар, спали в повалку. [Лл. 4 – 4 об.] Четверг погнали прибирать камеру рядом, где до 20 / II чисел сидели евреи, было навалено одежды всякой посуду, всё сносили в каморку там же. Внизу, среди хлама, были и серебряные вещи, всякие кувшины, даже ларьчики ¹². Того же числа раздалися шаги, нескольких человек, и до нас донеслись звуки пленных и стоны мужчин, голос немца «НКВД, НКВД», человек терял память, давали

---

¹¹ *Анатолий Георгиевич Уфимцев* (1880–1936) — известная в Курске личность, механик, изобретатель. По отцу, землемеру, мог знать В.Д. Бонч-Бруевича. Учащимся реалистом изготовил динамит, взрывное устройство с часовым механизмом и взорвал Курскую Коренную икону Богородицы в Знаменском соборе (1898). За это преступление после разоблачения отбыл пятилетнюю ссылку в Акмолинске. По возвращении в Курск держал мастерскую по ремонту бытовой техники, запатентовал много усовершенствований в области авиастроения, теплотехники и т.д.

¹² Предметы богослужения из синагоги?

передохнуть и опять повторялось снова. Одного уносили, принимались за другого и так в течении трёх часов.

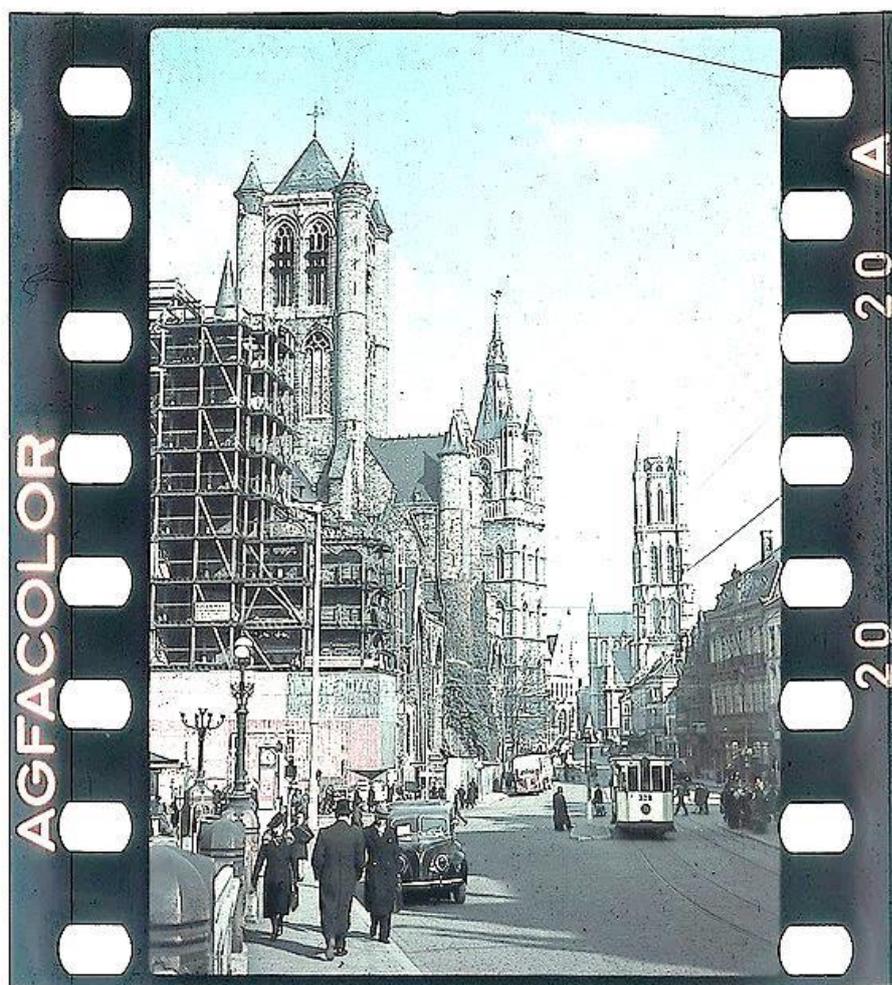

Харьков во время немецкой оккупации.

Фоточёт немецкого оккупанта: разгромленные города СССР // Fishki.net

Пятницы которую все сидевшие давно очень боялись, потому что кого уводили в этот день уже больше не возвращался. В 9 часов открывается дверь конечно это после проверки. Вызываются Вера Петрова, Вера из Суджи приготовиться 15 минут. Вера из Суджи взяла мел на стене написала неприличные слова, а Вера Петрова прощаясь сказала «Не обидно быть расстрелянной, но обидно задание не выполнила». Эту ночь не кто не спал, но не кто не произнёс ни одного слова. Суббота вечером опять вызывают тов. которая была вся в синяках и так же увидели, которая не вернулась обратно. Прошло несколько дней меня вызвали для вторичного допроса. Спросили вспомнила ли я, но мне нечего было вспоминать, допрос велся тихо. Прошло несколько дней [Лл. 4 об. – 5] опять вызывают, опять допрашивают и переводчик говорит меня [зачёркнуто: вас] отпускают, но вы на подозрении. Я вышла но не пошла домой, а пошла в мастерскую по пошиву одежды куда я до ареста устроилась только работать. И там узнала что закройщица Анна Петровна Парахина и владелец Дубровский хлопотали обо мне у переводчика коменданта тов. Рапа, он поляк старый лет 60. Да я забыла были такие случаи что из подвала освобождали много женщин немцы, квартировавшие в тех домах, где жили забранные женщины. Мужчины

курские все ходить стали в пальто на хорьковом меху в шляпах. Переменила квартиру чтобы не попадаться на глаза Гестапо.

*Оккупированный немцами бельгийский Гент.
Альбом «Париж в оккупации» на сайте Fishki.net.*

Были дни июля когда зенитки с бешеной скоростью носились через город, но у них было не очень много. В июне появились унгары ¹³, началась скупка полотенец с вышивками, открылся комиссионный магазин по продаже икон драгоценностей, хрусталя, появились гражданские немцы, на рынках ходили с фотоаппаратами, снимали группы, типы, даже в церквях шли съёмки во время богослужения, что видела сама в Сергиевском соборе ¹⁴. Церквей открыли много, поминали «избавителя Адольфа» во время обедни. [Лл. 5 – 5 об.] Журналов у них было много, где были снимки города Киева, Москвы, разных карекатур. Однажды я увидела большую карту до Волги; она была разделена на три части. От Ленинграда до Москвы написано

¹³ Вероятно, мадьяры, то есть венгры.

¹⁴ Кафедральный (до сих пор) собор Курской епархии (1752–1778 годов постройки), освящён во имя преподобного Сергия Радонежского, проектирован представителями архитектурной школы В. Растрелли.

Прибалтика, середина до Ростова Украина, а весь Кавказ, Крым [—] Туркмения, что означали эти карты так мне не удалось узнать.

Центр Курска после освобождения советскими войсками. С сайта «Горенка».

В Курске был городской голова ..... [пропуск в рукописи] разъезжал в экипаже ¹⁵.

Иногда в саду играла музыка. Конечно не кто не ходил кроме ребят. Ребята от 10–13 лет спекулировали, немцам было запрещено с гражданами [?]. В Курске на ул. М. Горького ¹⁶ № 40 открылся дом терпимости, наблюдала очередь немцев, дом был одноэтажный видно маленький для солдат. А второй дом терпимости открылся в бывшем доме Колхозника, угол Колхозной ¹⁷ и Херсонской. Куда приезжали обеспеченные немцы на машинах. Улицы были все переименованы. Дзержинского — Херсонская, им. Димитрова — Лазаретная ¹⁸. Ленина — Главная. Пожары

---

¹⁵ Иван Алексеевич Селковский (1892 – ? после 1943) — поляк по национальности, украинец по рождению (в селе Монаки Житомирской области), по образованию юрист (выпускник Киевской духовной семинарии, затем Киевского университета); перед войной работал в Курске заместителем заведующего трестом «Союззаготкожсырьё». Он возглавил городскую управу в ноябре 1941 года. После освобождения города ушёл с немцами вместе со своей семьёй.

¹⁶ Улица Горького, параллельная улице Ленина, сохранила своё название.

¹⁷ С недавних пор улица Колхозная переименована в улицу Александра Невского.

¹⁸ Улица Димитрова в XIX веке именовалась Верхней (Первой) Лазаретной. Там располагалась городская больница.

были каждый день дымоходы ветхие а они топили жарко, вырубали даже фруктовые деревья. [5 об. – 6] С июля месяца стали наблюдать такую картину часов в 8 немецкие аэропланы шли на южный аэродром на посадку, и когда улетали последние их машины на горизонте из за туч появлялись наши и громили бомбами очень удачно.

Военнослужащие вермахта, мадьярский солдат (справа) и японский фотокорреспондент лейтенант Суняй Сасамото, прикомандированный ко 2 Венгерской армии, позируют у лагеря советских военнопленных в Курской области. Снимок венгерского военного корреспондента Шомаша Конака (Старшего). Сайт «Военный альбом».

Унгары трусы все уходили в подвалы большого дома угол Чеховской¹⁹ и Херсонской якобы в клуб, куда их деньщики несли стулья и были до тех пор пока не кончалась бомбардировка. Весь комсостав унгар все люди старые за 60 лет много в очках, а солдаты все серенькие. С приходом унгар появилось много людей в гражданском платье не то пленные, которых немцы выводили на работы, где частенько били плёткой во время работ что я видела угол Чеховской и ул. Большевиков, а то заставляли делать гимнастику, ложили на землю животом в низ и заставляли под счёт приподниматься на руках и плавно ложиться, после чего гнали на прежнее место работы. Были и наши пленные но неумехи над которыми всё время издевались немцы бив их резиновой плёткой.

¹⁹ Улица Чеховская (Чехова), до 1914 года 3-я Мещанская.

В один день все немцы появились на улице с повязкой крепа и ходили дней шесть по городу. Оказывается, траур по Сталинграду. Заметно их растерянность [6 – 6 об.]. По городу запрещалось ходить после 5 часов зимой а летом после 8 вечера. Но немцы ходили с фрауми всю ночь. Дома вернее двери не кто не закрывал.

*Витрина антикварного магазина в оккупированном Харькове.
Фотоотчёт немецкого оккупанта: разгромленные города СССР // Fishki.net.*

Появились бельгийцы ²⁰ ещё подлейшие. Стали снимать заборы у больших домов якобы на парты, а делали гробы так как умирало их много, хоронили прямо у больницы Садовой, хоронили в саду на Мясницкой ²¹ рядами кресты ставили на каждой могиле.

---

²⁰ После захвата Бельгии немцы сформировали там из добровольцев два легиона (в размере батальонов) для использования на Восточном фронте: валлонский и фламандский. На южном направлении был использован валлонский легион. Он занимал Ростов-на-Дону и следовал далее, включая Курск. В июне 1943 года эти части были переформированы в бригады СС: добровольческую штурмовую бригаду «Валлония» и добровольческую бригаду «Лангемарк» (по два пехотных полка каждая). Всего за немцев воевало около 5 тысяч бельгийцев. Заканчивали войну они в Померании. Около 2 тысяч из них попало в советский плен. См. сайт «Русская семёрка» и др.

²¹ Ныне улица Радищева, параллельная ул. Ленина. Там расположен теперь Бородинский парк, на территории которого летом 2012 года представителями ФРГ велась раскопки немецких могил с целью перезахоронения на недавно созданном сводном немецком военном кладбище под Курском, в селе Беседине, на трассе Курск – Воронеж,

---

[*Черта фиолетовыми чернилами*] Организовалась биржа труда, но работы дать она не могла кроме как отправки в Германию молодёжи. У всех работающих в учреждениях, а также и частных были отобраны паспорта и они находились на бирже, чтобы не могли уйти от хозяев».

*Центр Парижа при немцах,
Альбом «Париж в оккупации» Андре Зукка на сайте Fishki.net.*

2.

[Из оккупированного Воронежа в оккупированный Курск]

Археографическая справка. Вторая рукопись аналогичного содержания в том же самом 369 фонде В.Д. Бонч-Бруевича НИОР РГБ принадлежит *Маргарите Николаевне Куберской* (1883–1950). Согласно справке архивистов и содержанию документа, перед нами учительница русского языка и литературы, редактор общественно-политического вещания Курского областного радиокomiteта. Рукопись ею самой озаглавлена «Из воспоминаний (1942–1943)». В ней 18 листов. Датирована февралём 1946 года, когда мемуаристка уже проживала в Нижнем Тагиле.

Воспоминания записаны на отдельных листах тетрадного формата, фиолетовыми чернилами, на обеих сторонах каждого листа.

куда свозятся обнаруженные останки немецких военнослужащих со всего Центрального федерального округа.

В силу профессии автора воспоминаний они написаны грамотно, практически без грамматических ошибок, литературным слогом.

Приводим здесь фрагменты текста, относящиеся к пребыванию М.Н. Куберской в прифронтовом Воронеже и полностью концовку текста о пребывании её же в Курске. Пропуски обозначены отточием — ... Связующие моменты кратко пересказаны мной в квадратных скобках.

Ше мирные жители, кто выжил при перекрёстном обстреле города советской и германской артиллерией, покидают захваченный немцами Воронеж по приказу оккупантов под угрозой расстрела в августе 1942 года.

Дьяков Д. Большой воронежский оккупационный опыт // Военно-исторический форум.

«г. Воронеж был взят немцами в ночь с 7-го на 8-е июля 1942 г. ... [Бомбёжки города немецкая авиация вела с октября 1941 по лето 1942]. Я работала преподавательницей русского языка в механико-технологическом техникуме при Маслозаводе. ... Об эвакуации не было и речи. Все, кто мог, уходили пешком в сторону Острогожска, Гридасовой, Новой Усмани [Лл. 1–1 об.]. Учреждения предложили коллективам служащих взять чемоданчики полегче и уходить через железнодорожные мосты по московской дороге. Все заводы с «Левого берега» [реки Воронежа] были эвакуированы. Управление Юго-Восточной [железной] дороги, располагавшее железнодорожным

транспортом, спешно вывезло своих служащих и их семьи. Лошадь нельзя было достать ни за какие деньги, телеги тоже. Спешно эвакуировали раненых из госпиталей. Пединститут ушёл пешком. ... [Л. 2]. Профессоры Мединститута уезжали с эвакуированными госпиталями. Студенты шли пешком. ...

*Цветной слайд солдата 98 пехотной дивизии Германии. Сентябрь 1942 года.
Город Гжатск, Сайт «Фронтной альбом».*

Немцы являлись группами в три, четыре человека, перерывали все вещи и брали всё, что им нравилось [Л. 4]. [24 июля немцы приказали всему остававшемуся населению покинуть город. Автор воспоминаний, похоронив тяжело болевшую мать, ушла из города 31 июля с одной из последних колонн беженцев, которые немцы направляли к себе в тыл. На станции Касторной их погрузили, набив битком в вагоны, и привезли] в наполовину разрушенный Курск [Л. 16 об]. [10 февраля 1943 года Красная Армия взяла Курск].

Мы жили на окраине Курска и сильно голодали. Надо сказать, что когда немцы уходили, они бросили раскрытые склады с мукой, пшеном, сахаром, ячменём, рожью и т.д. И куряне тащили всё, что попадалось им под руку. Весь Курск был усыпан просом в те дни.

Со мной жила ... преподавательницы средней школы, Тюменева. Мы с ней оказались люди одинакового склада, и утащить ничего не могли.

Хозяева же наши попользовались как следует. Восьмого февраля Красные войска вступили в Курск. Десятого утром мы ещё лежали в

постелях. Есть нам было нечего, и мы предпочитали меньше двигаться, да и холод в комнате был ужасный, так как дров у нас не было.

*Главное здание КГМИ в конце 1930-х годов.
Фото на «Поисково-историческом форуме».*

pastvu.com/349045 uploaded by DedMoross

*Госпиталь для нижних чинов вермахта в здании Курского медицинского института.
Фото на «Поисково-историческом форуме».*

*Базар в оккупированной немцами и мадярами Воронежской области. 1942 год.
foto-history.livejournal.com.*

Днепропетровск при немцах, 1942 год. Рынок Озёрка. Из блога Артёма Костюка.

Полкучка при немцах, Ростов-на-Дону. В толпе вполне могли быть бабушка, мать, старшие брат и сестра автора книги.

Венгерские оккупанты в курской деревне. Японский корреспондент С. Сасамото беседует с венгерским офицером. С сайта «Военный альбом».

*8 февраля 1943 года. Похожее село освобождают бойцы Красной Армии.
С сайта «Всё о Второй мировой».*

Здание мединститута после освобождения советскими войсками. С сайта «Горенка».

Вдруг раздался сильный стук в наружную дверь, потом по коридору простучали крепко сапоги, и в средней комнате мы услышали громкий разговор. Вскоре нам стало ясно, что идёт обыск награбленных продуктов. Минут через 30 в нашу дверь постучали. Дверь не была заперта. Вошёл невысокий красноармеец, с рыжеватым чубом, выбивавшимся из-под фуражки. Он вошёл и зорким взглядом окинул комнату. В ней не было ничего, кроме двух кроватей (причём одна, на которой я спала, была детской). Все углы были пусты. Он подошёл к моей кровати, на которой я лежала под шубой, спросил, кто мы. Не поднимаясь, я кратко рассказала ему наши грустные биографии. Я видела, как в продолжение моего рассказа, менялось его лицо: [Лл. 17–17 об.] из настороженного и зоркого оно постепенно делалось внимательным и мягким. Когда он услышал, что обе мы преподавательницы, что в Воронеже я работала в Пединституте и в техникуме, он вдруг оживился и сказал, что, вот, кончится война, и он пойдёт продолжить учёбу, что уже недалеко то время...

*Руины освобождённого от оккупантов Воронежа.
Карпов И. Неизвестная битва // Сайт «Русская народная линия».*

Потом вдруг решительным жестом надвинул на лоб фуражку и уверенно и твёрдо сказал: «Через 6 месяцев мы будем в Берлине...». Когда он уходил, я спросила, как его фамилия. «Песков», сказал он, закрывая дверь. Это было 10 февраля 1943 года. ...

18 февраля опять раздался стук в нашу дверь. Я болела и это время и опять лежала на своей маленькой смешной кровати.

Когда открылась дверь, на пороге стоял Песков. За ним вошёл другой, постарше, с каким-то значком в петлице. Поздоровавшись, они втащили два

мешка. «Это вот вам», сказал тот, что был [Лл. 17 об. – 18] постарше. «Тут два пуда ржи и пуд муки».

Мы были изумлены и растерянно благодарили. «Вы же нужные люди, учителя...» сказал Песков, уходя. Эта рожь и эта мука дали нам возможность просуществовать до половины апреля, когда я стала работать в открывшемся в Курске институте усовершенствования учителей научным сотрудником по кафедре русского языка, а Тюменева несколько позже получила уроки в железнодорожном техникуме.

Жив ли Песков сейчас? Благополучно ли прошёл он тяжкий, боевой, победоносный путь до Берлина? Удалось ли ему продолжить учёбу?

М.Н. Куберская.
Г. Нижний Тагил.
1946 г. февраль».

Послесловие составителя

Автор выступает в картинной галерее «АЯ» на очередном толкoviще курских краеведов. 2000-е годы. Фото В.В. Крюкова.

*«Потихоньку запели Лазаря,
А теперь всё слышнее слышны
Горе госпиталя, горе лагеря
И огромное горе войны».*

*Б.А. Слуцкий.
«Снова нас читает Россия...»*

Советская власть бросила массу своих граждан на произвол судьбы, оставила их в рабство оккупантам. В том же Курске после ухода советской

власти оставалось примерно 100 000 человек мирного населения. Немцам в феврале 1942 года удалось учесть около 81 000 курян.

Та канонада, которую фиксирует наша мемуаристка-курянка, — это не только залпы фронтовых орудий да авиабомб, но ещё и взрывы тех объектов, которые были уничтожены нашими военными и партийно-государственными кадрами перед уходом. Электростанция, водопровод, канализация, заводы и фабрики, железнодорожные коммуникации и другие жизненно важные объекты городской инфраструктуры. Обрекая жителей на голод, холод и тьму предстоящей зимой. Хорошо ещё не все чекисты выполнили этот приказ, некоторые испугались, сбежали, попали к немцам. Но жалоб на эту вопиющую несправедливость в публикуемом дневнике нет. Есть непоколебимая вера в то, что немцы да «унгары» (мадьяры, венгры), «вреднейшие бельгийцы» — явление временное. Есть ликование, когда сработала мина замедленного действия в здании НКВД, где немцы разместили свою комендатуру. Есть надежда дожить до той поры, «когда не будет немцев и в помине...»²²

Японский фотокорреспондент лейтенант Суняй Сасамото ведёт съёмку в Курской области. С сайта «Военный альбом. Фотографии Второй Мировой и Великой Отечественной войны (1939–1945)».

---

²² Слова песни «Закурим» фронтового корреспондента Ильи Львовича Френкеля (1903–1994).

Что подвигло эту женщину изготовить самодельную тетрадку и изо дня в день записывать происходящее в оккупированном городе? Как сочетаются её вопиющая безграмотность и какой-то железный стержень в её же характере? Голод, холод, поиски и аресты партизан, сущий апокалипсис вокруг — и почти ежедневные, в крайнем случае еженедельные записи о происходящем кругом. Что заставляло её вести дневник? Этот феномен известен и по блокадным запискам, и по рукописям из концлагерей, и по граффити на стенах тюремных камер.

И как же москвич В.Д. Бонч-Бруевич нашёл эту рукопись? Просто запросил Курск по какой-то инстанции? Или обратился к лично ему знакомым гражданам? Может, наоборот, они сами нашли заслуженного земляка в столице, надеясь, что он опубликует или хотя бы сохранит их записки? Как бы там ни было, этим бумагам феноменально повезло: они оказались архивированы в одном из национальных хранилищ документов. Можно представить, сколько похожих записей пропало, утратилось для потомков.

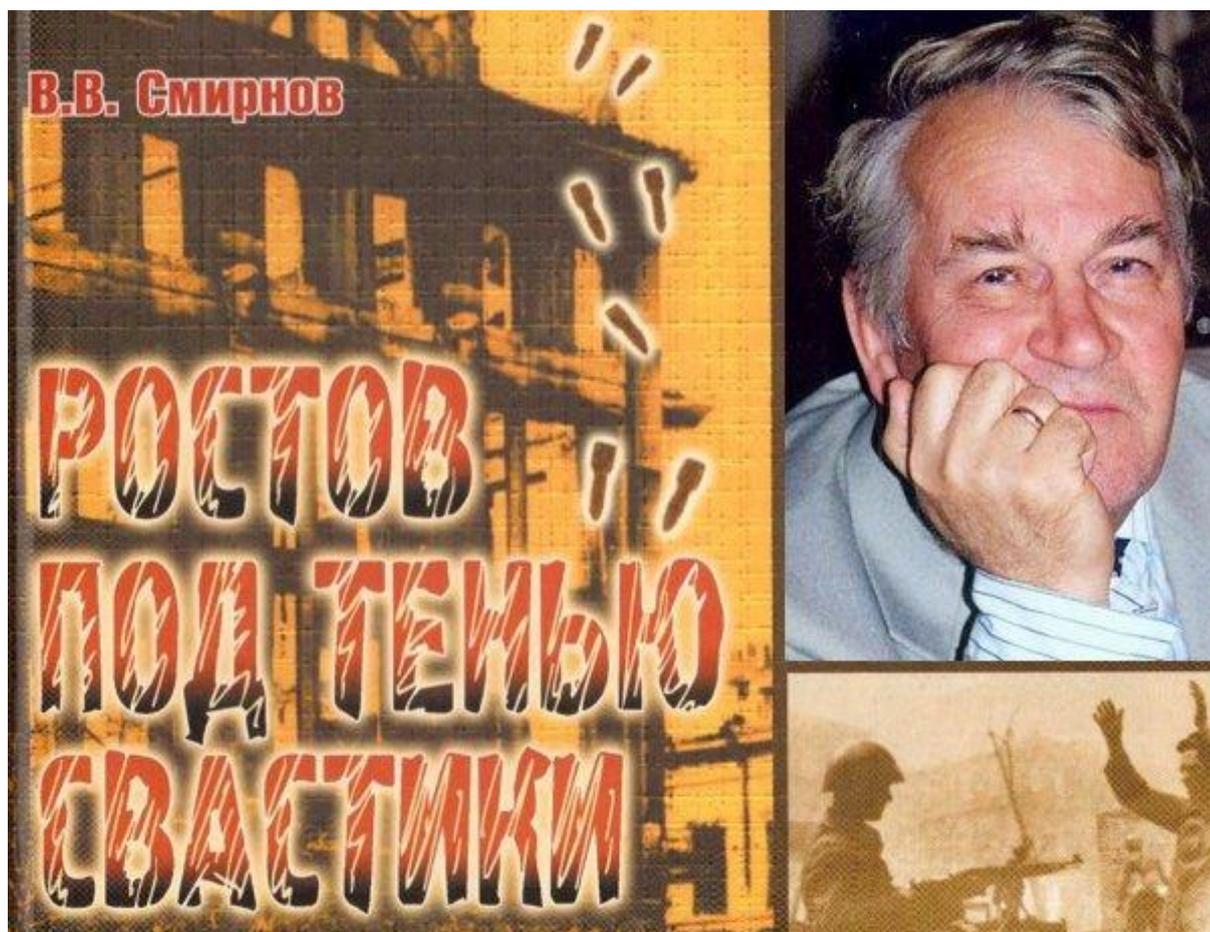
Немецкие оккупанты на центральной площади Воронежа.

Памятник Ленину превращён в виселицу.

Usolt. «Ленин-висельник в Воронеже, или самое пронзительное фото Великой Отечественной» // foto-history.livejournal.com.

Оставшаяся безымянной составительница дневника сама вроде бы беспартийная, но не факт (отмечает партийность сокамерниц — то ли в противовес себе, то ли в единение). Перед нами явно жена довольно важного курского чиновника. Её работа помещалась на Красной площади, где

располагались обл- и горсоветы, обком и горком партии. Муж «в чине полковника». Действительно, курская партийная верхушка отступила в Тамбов, где и находилась, пока не освободили Курск в феврале 1943 года.

Смирнов В.В. Ростов под тенью свастики. Ростов-на-Дону, 2006.

И кто получается морально выше, культурнее: тёмная неграмотная русская баба из Курска или все эти немцы из Берлина, что жили у неё на постое? И те, что пытали её в гестапо? «Немецкая свора Гестапо», как она их тогда же называла. Побывав в гестапо и чудом уцелев, она сохранила свой дневник с откровенно неприязненными отзывами об оккупантах. Ответ должен быть ясен: она психологически была сильнее их. Ни тени так называемого «стокгольмского синдрома». Все дни и часы оккупации женщина сохраняла сознание: «мы» — «они». «Наши» да «наши» у неё. Это наши-то, которые бросили и её, и их всех — тысячи земляков на произвол судьбы, отступили с оружием и боеприпасами, сдали город без приказа. Ушли на глазах женщин, стариков и детей через Казацкую слободу, увешанные винтовками, автоматами и патронными лентами... А эта женщина осталась на их, советской стороне: даже на грани гибели от голода, холода, немецкой пули, она злорадно отмечает моменты трусости у немцев, все прочие их отрицательные качества, и восторгается успехами наших партизан и регулярной армии (удачным для партизан взрывом в немецком

штабе, героическим поведением взятых гестапо партизанок, результативными бомбардировками немецкого аэродрома, победой под Сталинградом).

В публикуемых записках незаметно идеологической ангажированности *post factum*. Отмечается переход на сторону оккупантов лиц, обиженных советской властью. Или взять хотя бы психологическую кульминацию записок: когда уводят из подвала гестапо на расстрел двух наших разведчиц. Одна из них берёт мел и пишет ругательства в адрес фрицев, а другая... Сцена поистине шекспировская: никто в тюремном подвале не сказал ни слова, никто из узниц не уснул в ту ночь...

*Жители Курска слушают немецкую пропаганду.
Фотография с сайта SmolBattle.*

Одни персонажи записок добровольно, даже с риском для здоровья и жизни помогают своим землякам пережить лихолетье. Другие — выживают за счёт других, предают соседей на расправу врагам. Одни оккупанты бросают русским подачки. Другие открывают огонь по мирным жителям.

Символично, что воспоминания оборваны на полуслове. Рассказ не доведён до освобождения города. Но эта женщина явно дождалась этого дня, она приветствовала освобождение — ясно по тексту того, что она успела рассказать. Очевидно, мы никогда не узнаем её имя, не узнаем, встретились

ли они с мужем, как она жила после войны. Но главное мы знаем: так выжил советский народ «под немецкой сворой».

*Жители Курска снова читают советскую газету. 1943 год.
Фото с сайта «Курск: история и легенды нашего города».*

Курский фрагмент из аналогичных воспоминаний учительницы М.Н. Куберской объективно подтверждает рассказ её анонимной землячки.

Избранные фотоматериал также прямо относится к разным моментам документа и позволяет представить их наглядно.

Публикация этих документов особенно уместна вскоре после 2018 года, когда отмечалось 75-летие освобождения города Курска от немецко-фашистской оккупации и Курской битвы, победы Советской армии на Курской дуге. И накануне 75-летия победы нашей страны над коалицией европейских стран во Второй мировой войне.